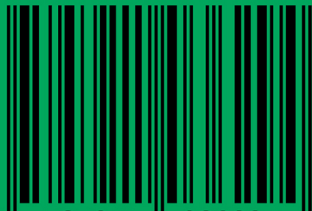

Дэвид Гребер Бредовая работа

Трактат о распространении
бессмысленного труда

Ad
Marginem

9

785911

036294

Дэвид Гребер

Бредовая работа. Трактат

о распространении

бессмысленного труда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54887217

Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда:

Ад Маргинем Пресс; Москва; 2020

ISBN 978-5-91103-541-9

Аннотация

Вносит ли ваша работа значимый вклад в развитие мира? Весной 2013 года Дэвид Гребер задал этот вопрос в провокационном эссе под названием «О феномене бредовых работ». Оно стало вирусным. Спустя семь лет, люди по всему миру все еще обсуждают ответ на этот вопрос.

В своей книге Гребер исследует одну из самых досадных и глубоких проблем общества, обвиняя среди прочих злодеев особый вид финансового капитализма, который предаёт идеалы, разделяемые мыслителями от Кейнса до Линкольна. Бредовые работы дают частным лицам, корпорациям и обществам разрешение на изменение ценностей, ставя креативную работу в центр нашей культуры. Эта книга для всех, кто хочет превратить свою профессию в призвание.

Содержание

Предисловие научного редактора	5
Предисловие. О феномене бредовой работы	10
Глава 1. Что такое бредовая работа?	32
Почему профессия наемного убийцы не подходит в качестве примера бредовой работы	41
О важности субъективного элемента, а также почему люди, которые считают свою работу бредовой, обычно правы	50
О распространенном заблуждении, что бредовая работа в основном бывает в государственном секторе	62
Почему профессия парикмахера – это неудачный пример бредовой работы	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73
Комментарии	

Дэвид Гребер

Бредовая работа. Тракта́т

о распространении

бессмысленного труда

*Посвящается всем, кто предпочел бы заняться
чем-нибудь полезным*

David Graeber
Bullshit jobs

© David Graeber, 2018

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2020

Предисловие научного редактора

Почему значительную часть жизни мы проводим, делая то, что нам не нравится и во что мы не верим? Почему приходится столько времени тратить на какой-то бред – на абсурдные занятия, от которых нет никакого удовольствия? Почему мы так часто не видим смысла в выполняемой работе? А если и видим, то она всё чаще сопровождается таким количеством бестолковых правил и требований, что этот смысл пропадает? Самый простой (и правильный) ответ: потому что так устроен мир. Но, собственно, почему он так устроен?

Кажется, что это самоочевидно: нам всем нужны деньги, и если их надо зарабатывать, то часто приходится делать то, чего делать не хотелось бы, ведь платят только за это. Однако это описание некоторого порядка вещей, – а в человеческих отношениях любой порядок существует потому, что имеет некое моральное основание. Иными словами, люди действуют исходя из сложившегося порядка, потому что считают его «нормальным», морально приемлемым. История и антропология учат нас, что норма человеческого взаимодействия бывает разной, – а значит, и необходимость заниматься бессмыслицей, чтобы зарабатывать деньги, должна иметь какое-то моральное объяснение.

Именно анализ морали современного общества – метод Дэвида Гребера, который позволил ему стать одним из ли-

деров антропологии и ведущим публичным интеллектуалом нашего времени. В своих наиболее известных исследованиях, уже знакомых российскому читателю («Долг: первые 5000 лет истории» и «Утопия правил»), Гребер берётся за проблемы, которые обычно считались техническими и отводились узким специалистам: причины долговых кризисов и разрастание бюрократии. Однако технический анализ, похоже, не помогает делу, и Гребер задает моральные вопросы: почему мы вообще считаем, что долги нужно отдавать? Почему верим, что бесконечные бумаги надо заполнять? В каждом из этих случаев исследование показывает, что исторически появление этих представлений было связано с радикальным изменением общественных отношений, и в первую очередь отношений власти.

Тот же метод Гребер применяет и к бредовой работе. Ключевое понятие этой книги сконструировано тонко: автор специально подчеркивает, что ваша работа является бредовой, только если вы сами считаете ее таковой. Однако если у вас есть стойкое ощущение, что все рабочее время или его часть вы занимаетесь какой-то ерундой, то можете не сомневаться: наверняка так оно и есть. Ведь нет никого, кто мог бы знать это лучше вас. Такое определение позволяет Греберу построить книгу вокруг морального напряжения: наша жизнь устроена так, что нам самим это категорически не нравится, однако почему-то мы считаем это нормальным. О том, откуда взялась эта «нормальность», и рассказывает исследование

Гребера.

Моральная организация общества определяет в том числе распределение финансовых ресурсов. В России многим работникам знаком распространившийся в последнее время аргумент работодателей, согласно которому настоящий профессионал не должен претендовать на прибавку к зарплате (в самом деле, ведь он работает не ради денег!), в то время как администратор этого профессионала должен получать гораздо больше (ведь он лишен удовольствия осознавать, что его труд ценят). Благодаря этой странной этике в больницах, школах, университетах и конструкторских бюро постоянно растет разрыв в оплате труда руководителей и рядовых сотрудников. Тем же профессионалам хорошо известно ощущение, что оплата их работы мало зависит от качества собственно работы и куда больше зависит от объема выполняемых бредовых заданий (заполнения бумаг, соответствия формальным показателям и так далее), так что сама работа начинает выглядеть неоплачиваемым приложением к административному бреду. Множество работников в России легко опознает моральную логику, которую вскрывает Гребер. А там, где российские реалии отклоняются от данных Гребера, его теория оказывается даже более реали действенной: если американские врачи с их высокой зарплатой выглядят редким исключением из тенденции бредовизации работы, то большинство докторов в России не могут похвастаться хорошей оплатой труда, зато точно знают, как бюрократия может

задушить самый полезный для общества труд.

Эта книга не требует от читателя специальной подготовки в области социальных наук – она написана для всех, кому интересно, почему так много людей в последнее время ощущают, что занимаются на работе каким-то бредом. Гребер дает достаточно пространства личным историям людей с бредовой работой. Ни одна из них не может ничего доказать сама по себе, но их внимательный анализ позволяет уловить те странные и противоречивые чувства, которые мы поневоле испытываем, когда заняты бессмысленной деятельностью.

В то же время эта книга занимает важное место в современных исследованиях труда. Вопреки ожиданиям, что технологический прогресс уничтожит множество трудовых мест, Гребер показывает, что трудовые места возникают не столько из-за производственной необходимости, сколько из-за отношений власти. А значит, развитие технологий будет приводить не к высвобождению досуга, а к увеличению объема бредовой работы – работы, в которой сами работники не видят смысла. Чтобы подступить к этой проблеме, недостаточно технических знаний об устройстве рыночной экономики и информации о научно-технологическом прогрессе. Это моральная проблема, и ее решение зависит от понимания устройства глубинной человеческой мотивации к труду, отношений власти в современных корпорациях, а также понимания ценности труда в современном обществе. Именно этому посвящена книга Гребера.

Три переводческих решения требуют комментария. Английское слово «bullshit» соединяет в себе целую гамму значений, и прямого эквивалента в русском языке, с его более тонкой обценной лексикой, не существует. Главное значение, вокруг которого строится эта книга, – «бред», «ерунда», «бессмыслица», «абсурд». Впрочем, любители метафоры дерьма тоже легко найдут ее на страницах этой книги.

Термин «moral» традиционно непросто переводится на русский язык. В этой книге обычно выбирается вариант «нравственный», когда речь идет об устройстве конкретного общества, а слово «моральный» используется при обсуждении универсальных моральных проблем.

Одна из ключевых оппозиций книги – value/values – на русский традиционно переводится двумя разными словами. В экономической науке говорят о «стоимости», а в культурологии – о «ценностях». В данном случае выбран перевод «ценность»/«ценности», за исключением случая устоявшегося употребления («трудовая теория стоимости»).

Григорий Юдин

Предисловие. О феномене бредовой работы

Весной 2013 года я без всякого умысла стал автором небольшой международной сенсации.

Всё началось с того, что меня попросили написать эссе для нового радикального журнала под названием Strike!. Редактор журнала спросил, есть ли у меня что-нибудь провокативное, что никто другой не согласился бы опубликовать. У меня обычно имеется парочка идей для эссе как раз такого рода, так что я быстро положил одну из них на бумагу и отправил ему короткий текст под названием «О феномене бредовой работы».

Это эссе основывалось на одной догадке. Всем знакомы должности, на которых, если посмотреть со стороны, люди ничего особо не делают: HR-консультанты, координаторы коммуникаций, сотрудники PR-отделов, финансовые стратеги, корпоративные юристы или те люди (их очень много в академической сфере), которые проводят долгие часы на заседаниях комитетов, обсуждая проблему ненужных комитетов. Этот список выглядел бесконечным. Я подумал: а что, если эти должности *в самом деле* бесполезны, а люди, которые их занимают, знают об этом? Наверняка каждый время от времени встречает людей, которые считают свою работу

бессмысленной и ненужной. Что может быть более удручающим, чем необходимость вставать по утрам пять дней в неделю всю свою взрослую жизнь, чтобы выполнять задачи, которые, как ты втайне уверен, выполнять не нужно, что это просто трата времени и ресурсов, а может быть, даже делает мир хуже? Разве это не наносит чудовищный моральный урон всему обществу? Однако об этом, кажется, никто не говорит. Существует множество опросов, исследующих, счастливы ли люди на работе. Но я не слышал об опросах, в которых людей спрашивали бы, считают ли они, что существование их работы вообще хоть чем-то оправдано.

Сама возможность того, что наше общество наполнено бесполезной работой, о которой никто не хочет говорить, не выглядела совсем уж невероятной. Тема работы окружена множеством табу. Даже тот факт, что большинство людей не любят свою работу и были бы рады любому поводу на нее не пойти, считается чем-то, о чем нельзя говорить по телевидению (во всяком случае, не в теленовостях, – пожалуй, иногда это может всплывать в документальных фильмах или в стендапе). Я испытал эти табу на себе: однажды я выступал в медиа от лица группы активистов, которая, по слухам, планировала кампанию гражданского неповиновения с целью остановить транспортную систему в Вашингтоне в рамках протеста против глобального экономического саммита. В течение нескольких дней перед этим если ты выглядел как анархист, то к тебе обязательно подходил довольный госслу-

жащий с вопросом, действительно ли ему или ей не придется в понедельник идти на работу. При этом в то же самое время бригады телевизионщиков старательно опрашивали городских служащих, которые рассказывали, какой трагедией будет, если они не смогут добраться до работы. Я не удивлюсь, если некоторые из этих чиновников были *одними и теми же* людьми. Они делали это, потому что знали, что нужно сказать, чтобы тебя показали по телевизору. Похоже, никто не чувствует, что может говорить то, что на самом деле думает о таких вещах, – по крайней мере, на публике.

Существовала вероятность, что моя гипотеза верна, но я не знал, так ли оно было на самом деле. Можно сказать, я написал статью в качестве своеобразного эксперимента. Мне было интересно, какой отклик она вызовет.

Вот что я написал для выпуска журнала в августе 2013 года:

О феномене бредовой работы

В 1930 году Джон Мейнард Кейнс предсказал, что к концу века уровень развития технологий будет достаточным, чтобы в таких странах, как Великобритания и Соединенные Штаты Америки, установилась пятнадцатичасовая рабочая неделя. У нас есть все причины полагать, что он был прав. В технологическом плане мы вполне на это способны. И всё же этого не произошло. Вместо этого технологии

используются прежде всего для того, чтобы найти способы заставить нас работать еще больше. Для этого потребовалось создавать должности, которые по своей сути бессмысленны. Огромные массы людей, особенно в Европе и Северной Америке, тратят всю свою рабочую жизнь, выполняя задачи, которые, как они втайне думают, вообще не нужно выполнять. Эта ситуация наносит глубокий нравственный вред. Это рана на нашей общей душе. И тем не менее почти никто об этом не говорит.

Почему обещанная Кейнсом утопия, наступления которой ждали еще в 60-х, так никогда и не осуществилась? Стандартное объяснение заключается в том, что он не смог предсказать мощный бум потребления. Выбирая между меньшим количеством рабочих часов и большим количеством игрушек и развлечений, мы все выбрали последнее. Это звучит как неплохой нравственный урок, но если хотя бы на мгновение задуматься, то становится понятно, что это не может быть правдой. Да, с 1920-х годов мы наблюдаем появление множества разных новых должностей и отраслей, но лишь немногие из них связаны с изготовлением и распространением суши, айфонов и модных кроссовок.

Так что это тогда за новые должности? Недавний отчет, который сравнивает занятость в США между 1910 и 2000 годами, дает довольно ясную картину происходящего (отмечу, что это очень похоже и на ситуацию в Великобритании).

На протяжении последнего века резко снизилось число работников, занятых в качестве домашней прислуги, в промышленном производстве и в сельскохозяйственном секторе. В то же время количество «профессиональных работников, менеджеров, офисных служащих, продавцов и занятых в сфере услуг» увеличилось втрое: «с одной четверти до трех четвертей общего числа занятых». Иными словами, производительный труд, как и было предсказано, в значительной степени оказался автоматизирован. (Даже если посчитать промышленных рабочих во всем мире, включая массы трудящихся в Индии и Китае, всё равно их доля в населении Земли далеко не так высока, как была раньше.)

Но вместо массового сокращения рабочих часов, которое позволило бы освободить людей на всей планете и дать им возможность посвятить себя собственным проектам, получать удовольствие от жизни, воплощать в жизнь свои мечты и идеи, мы видим раздувание не столько «сферы услуг», сколько административного сектора – вплоть до создания целых отраслей, вроде финансовых услуг или телефонного маркетинга, а также небывалое расширение секторов вроде корпоративного права, управления наукой и здравоохранением, HR и связей с общественностью. И в этих цифрах еще не учитываются те, чья работа заключается в административной и технической поддержке, в охране всех этих отраслей. А вдобавок еще и все те, кто занят во вспомогательных отраслях

(мойщики собак, ночные доставщики пиццы), которые существуют только потому, что все остальные тратят на всю эту работу так много своего времени.

Я предлагаю называть это бредовой работой.

Складывается ощущение, будто кто-то придумывает всю эту бессмысленную работу, просто чтобы чем-то всех нас занять. И в этом-то и состоит загадка. Потому что вроде бы этого как раз *не должно* происходить при капитализме. Конечно, в старых неэффективных социалистических государствах вроде Советского Союза, где труд считался одновременно правом и священным долгом, государство придумывало столько рабочих мест, сколько было нужно. (Поэтому в советском универсаме требовалось три продавца-консультанта, чтобы продать один кусок мяса.) Но, разумеется, как раз эти проблемы должна решить рыночная конкуренция. По крайней мере, согласно экономической теории, последнее, что будет делать фирма, стремящаяся к прибыли, это раздавать деньги работникам, которые ей не нужны. И всё же именно это и происходит.

Корпорации проводят безжалостные сокращения, но оптимизация и повышение норм выработки неизменно приходятся на тех людей, которые действительно что-то делают, перемещают, чинят или поддерживают в порядке. Благодаря какой-то странной алхимии, которую никто не может объяснить, количество профессиональных бумагомазак непреклонно продолжает расти. При этом всё больше и больше

работников выясняют (и тут не так много отличий от их советских коллег), что они работают сорок или даже пятьдесят часов в неделю на бумаге, но фактическим трудом заняты лишь пятнадцать часов, как и предсказывал Кейнс. Оставшееся время тратится на организацию или посещение мотивационных семинаров, обновление аккаунтов на Facebook или скачивание сериалов.

Ответ определенно не является экономическим – он носит моральный и политический характер. Правящий класс пришел к выводу, что счастливое и продуктивное население с обилием свободного времени представляет смертельную опасность. (Вспомните, что начало происходить в шестидесятые годы, когда только начали приближаться к такому положению дел.) С другой стороны, им невероятно удобно представление, согласно которому работа обладает моральной ценностью сама по себе, и каждый, кто не согласен подчинить строгой рабочей дисциплине большую часть своего активного времени, ничего не заслуживает в жизни.

Однажды я размышлял о том, как бесконечно разрастаются административные обязанности в британских университетах, и придумал, как может выглядеть ад. Ад – это сборище людей, проводящих большую часть своего времени, работая над задачами, которые им не нравятся и не особо удаются. Скажем, их наняли, потому что они были отличными столярами, а затем они выяснили, что им придется тратить значительную часть своего времени на жарку

рыбы. Кроме того, эти задачи, по сути, даже не нуждаются в выполнении – ведь рыбы нужно жарить совсем немного. Несмотря на это, все они почему-то начинают негодовать, если кто-то из их коллег вдруг находит возможность проводить больше времени за изготовлением мебели и пренебрегает причитающейся ему частью ответственности по приготовлению рыбы. В итоге накапливается огромная куча бесполезной, плохо приготовленной рыбы, которая валяется по всей мастерской, и это единственное, чем все заняты.

Я думаю, на самом деле это довольно точное описание того, куда с моральной точки зрения движется наша экономика.

Да, я понимаю, что любой подобный аргумент немедленно наталкивается на возражения: «Кто ты такой, чтобы решать, какая работа на самом деле „нужна“? Что вообще значит „нужна“? Ты профессор антропологии – зачем это „нужно“?» (и разумеется, для многих читателей таблоидов само существование моей профессии – идеальный пример бесполезных общественных расходов.) И в определенном отношении это несомненно так. Не может быть объективных критериев общественной ценности.

Я бы не рискнул сообщить человеку, который убежден, что делает для мира что-то осмысленное, что на самом деле это не так. Но как насчет тех людей, которые сами считают, что их работа бессмысленна? Не так давно я встретился со старым школьным другом, с которым не виделся с пятнадцати лет. Я

был удивлен, когда обнаружил, что за это время он сначала побывал поэтом, а потом фронтменом в индигруппе. Я слышал некоторые его песни по радио, не имея представления, что это мой знакомый. Он явно был замечательным, очень оригинальным человеком, а его работа, несомненно, сделала жизнь многих людей по всему миру лучше и ярче. Но после пары неудачных альбомов он потерял контракт с лейблом, оставшись с долгами и новорожденной дочерью на руках. В конце концов он, по его собственному выражению, «сделал стандартный выбор потерявшегося человека: юридический факультет». Теперь он корпоративный юрист в известной фирме в Нью-Йорке. Он сам первым признал, что его работа абсолютно бессмысленна и ничего не дает миру, а также, по его собственным словам, на самом деле не должна существовать.

Здесь можно задать много вопросов. Начнем с такого: что говорит о нашем обществе тот факт, что оно генерирует очень ограниченный спрос на талантливых поэтов-музыкантов, но кажущийся бесконечным спрос на специалистов в области корпоративного права? (Ответ: если один процент населения контролирует большую часть доступного богатства, тогда то, что мы называем рынком, отражает то, что считают полезным и важным именно *они*, а не кто-либо еще.) Но более того: эта история показывает, что большинство людей, занятых бессмысленной работой, в конечном счете сами это осознают. На самом деле я думаю, что никогда не

встречал корпоративного юриста, который не считал бы свою работу бредовой. То же самое касается почти всех указанных выше новых отраслей. Существует целый класс хорошо оплачиваемых профессионалов, которые, если ты встретишь их на вечеринке и расскажешь, что сам занимаешься чем-то интересным (например, антропологией), не станут обсуждать с тобой свою работу даже в самых общих словах. После нескольких бокалов эти люди разразятся тирадами о том, какой бессмысленной и тупой работой они на самом деле заняты.

Здесь имеет место глубокое психологическое насилие. Как вообще можно говорить о достойном труде, если мы втайне чувствуем, что наша работа не должна существовать? Разве это может не вызывать искренней ярости и негодования? Однако наше общество по-своему гениально: те, кто им управляет, придумали способ сделать так, чтобы ярость была направлена как раз на тех, кому удастся найти себе осмысленное занятие – как в моем примере с жаркой рыбы. Например, в нашем обществе существует общее правило, что чем больше очевидной пользы работа приносит другим людям, тем меньше денег платится за ее выполнение. Опять же, объективный критерий найти довольно сложно, но есть простой способ почувствовать это – достаточно задать вопрос: что произойдет, если вся эта категория людей просто исчезнет? Вы можете говорить что угодно о медсестрах, мусорщиках или механиках, но очевидно, что если они растворятся

в облаке дыма, последствия будут немедленными и катастрофическими. Мир без учителей или докеров быстро столкнется с неприятностями, и даже мир без научных фантастов или ска-музыкантов будет намного беднее. Не совсем понятно, насколько человечество пострадает от аналогичного исчезновения всяческих гендиректоров инвестиционных компаний, лоббистов, пиар-исследователей, специалистов по страховым расчетам, агентов по телефонным продажам, судебных приставов или юридических консультантов.¹ (Многие подозревают, что он заметно улучшится.) И всё же это правило на удивление хорошо действует, если не считать нескольких известных исключений (вроде врачей).

Однако еще более противоестественным является следующее: обычно считается, что так оно и должно быть. В этом состоит один из секретов правого популизма. Например, это можно заметить, когда таблоиды негодуют на работников подземки за то, что те парализовали Лондон во время переговоров об условиях найма. Уже одно то, что работники подземки способны парализовать Лондон, показывает, что их работа на самом деле необходима, — но, похоже, именно это и раздражает людей. Это еще более заметно в Соединенных Штатах, где республиканцы

¹ Мне пришлось довольно много возражений по поводу специалистов по страховым расчетам, так что теперь я думаю, что был к ним несправедлив. Иногда их работа имеет значение. Но про всех остальных я уверен, что они могут исчезнуть без каких-либо негативных последствий.

достигли заметных успехов, вызывая недовольство школьными учителями и рабочими автозаводов (а вовсе не администраторами школ или управленцами автопрома, которые на самом деле и создают проблемы) за их якобы раздутые зарплаты и льготы. Как если бы они говорили: «Но вы можете учить детей! Или собирать машины! Вам досталась настоящая работа! И у вас еще хватает наглости рассчитывать вдобавок на пенсию и здравоохранение как у среднего класса?»

Если бы потребовалось разработать режим работы, идеально подходящий для поддержания власти финансового капитала, трудно представить себе, как можно было бы сделать это еще лучше. Работники, занимающиеся настоящим производительным трудом, подвергаются беспощадному давлению и эксплуатации. Остальные делятся на запуганную страту всеми осуждаемых безработных и более крупную страту, которой, по сути, платят за то, что они ничего не делают. Эти последние занимают должности (менеджеров, администраторов и т. д.), заставляющие их отождествлять себя с точкой зрения и ощущениями правящего класса – в особенности с его финансовыми представителями – и одновременно кипеть негодованием в отношении тех, чья работа имеет очевидную и безусловную общественную ценность. Понятное дело, никто специально не создавал эту систему именно так. Она формировалась почти сто лет методом проб и ошибок. Но это единственное объяснение, почему, несмотря на

имеющиеся технологические возможности, мы все не работаем по три-четыре часа в день.

Бывает так, что высказанная в тексте гипотеза подтверждается уже самой реакцией на этот текст. Это был как раз тот самый случай. Эссе «О феномене бредовой работы» вызвало взрыв.

Самое смешное, что две недели после публикации статьи мы с подругой провели наедине с кучей книг и друг с другом в хижине в квебекской деревне. Мы специально нашли место, где не было беспроводного интернета. Я оказался в странном положении, потому что последствия публикации мог наблюдать только на экране мобильного телефона. Практически сразу эссе стало распространяться со скоростью вируса. За несколько недель оно было переведено не меньше чем на дюжину языков, включая немецкий, норвежский, шведский, французский, чешский, румынский, русский, турецкий, латышский, польский, греческий, эстонский, каталонский и корейский. Оно также было перепечатано в газетах от Швейцарии до Австралии. Сама страничка журнала Strike! получила более миллиона просмотров и несколько раз падала от слишком большого трафика. Пошло обсуждение в блогах. Разделы с комментариями заполнялись признаниями от белых воротничков; люди писали мне и просили совета или рассказывали, что я вдохновил их бросить свою работу, чтобы найти что-то более осмысленное. Вот один из восторженных ответов (у меня их собраны сотни) из раз-

дела комментариев на сайте австралийской газеты Canberra Times:

Вау! Прямо в точку! Я корпоративный юрист (точнее, адвокат по налоговым спорам). Я ничего не привношу в этот мир и всё время чувствую полное отчаяние. Мне не нравится, что у людей есть наглость заявлять: «А зачем ты тогда этим занимаешься?» – потому что очевидно, что всё не так просто. Так случилось, что прямо сейчас это единственный способ услужить одному проценту, чтобы в качестве вознаграждения получить дом в Сиднее, где я смогу растить своих будущих детей... Благодаря технологиям мы, вероятно, производим сейчас за два дня столько же, сколько раньше производили за пять. Но из-за жадности, из-за того, что мы всё время, как пчелы, что-то производим, мы до сих пор должны пахать как рабы и ставить чужую прибыль впереди собственных нереализованных надежд. Можно верить в божественный промысел или в теорию эволюции, но в любом случае люди не были созданы для работы, – по мне, так это просто жадность, которую разгоняют завышенные цены на предметы первой необходимости.²

В какой-то момент я получил сообщение от анонимного фаната, который сообщил, что он вместе со спонтанно воз-

² Graeber D. The Modern Phenomenon of Bullshit Jobs // Canberra (Australia) Times. 2013. September 3. URL: www.canberratimes.com.au/national/public-service/the-modern-phenomenon-of-bullshit-jobs-20130831-2sy3j.html.

никшей группой рассылает мой текст работникам сферы финансовых услуг. Только за один тот день он получил пять писем с этим эссе (несомненное свидетельство того, что в финансовом секторе многим нечем заняться). Всё это не позволяло ответить на вопрос, сколько людей на самом деле думают о своей работе подобным образом. Ведь люди могли делиться текстом, просто чтобы сделать вежливый намек другим. Но спустя небольшое время всё же появилась соответствующая статистика.

Пятого января 2015 года, через год с небольшим после выхода статьи, в первый понедельник нового года – то есть в тот день, когда большинство жителей Лондона возвращались на работу после зимних каникул, – кто-то содрал сотни рекламных объявлений в лондонском метрополитене и заменил их серией партизанских плакатов с цитатами из того самого эссе. Вот цитаты, которые они выбрали:

Огромные массы людей, особенно в Европе и Северной Америке, тратят всю свою рабочую жизнь, выполняя задачи, которые, как они втайне думают, вообще не нужно выполнять.

Складывается ощущение, будто кто-то придумывает всю эту бессмысленную работу, просто чтобы чем-то всех нас занять.

Эта ситуация наносит глубокий нравственный вред. Это рана на нашей общей душе. И тем не менее почти никто об этом не говорит.

Как вообще можно говорить о достойном труде,

если мы втайне чувствуем, что наша работа не должна существовать?

Ответом на серию постеров стала еще одна вспышка медийных дискуссий (я ненадолго появился на Russia Today), по итогам которых опросное агентство YouGov взялось проверить гипотезу и провело опрос среди британцев, используя фразы, напрямую позаимствованные из эссе, например: «Приносит ли ваша работа какую-нибудь пользу миру?» Неожиданно более трети респондентов – тридцать семь процентов – ответили «нет» (пятьдесят процентов сказали «да», а тринадцать затруднились с ответом).

Это было почти вдвое больше, чем я ожидал: я думал, что доля бредовой работы составляет около двадцати процентов. Более того, чуть позже опрос в Голландии дал почти такие же результаты (на самом деле даже чуть выше): сорок процентов работников заявили, что существование их работы ничем не оправдано.

То есть гипотеза не просто подтвердилась реакцией публики – она также получила исчерпывающее статистическое подтверждение.

* * *

В таком случае понятно, что мы имеем дело с важным социальным феноменом, который практически не получил

комплексного освещения.³ Одна только возможность поговорить об этом стала для многих большим облегчением. Было очевидно, что требуется более глубокое исследование.

Эта книга более систематична, чем исходное эссе. Статья 2013 года предназначалась для журнала о революционной политике, и там я сделал акцент на политической стороне проблемы. В принципе, очерк был только одним из аргументов, над которыми я в то время работал. Мой тезис заключается в том, что неолиберальная идеология (идеология «свободного рынка»), которая доминировала на планете со времен Тэтчер и Рейгана, на самом деле была полной противоположностью тому, что она сама о себе заявляла. В действительности же это был политический проект в экономической маскировке.

Я пришел к этому заключению, потому что оно казалось единственным способом объяснить, как на самом деле ведут себя власть имущие. В то время как неолиберальная риторика всегда подчеркивала, что необходимо высвободить волшебные силы рынка, а экономическая эффективность должна быть превыше всех прочих ценностей, общие последствия политики свободного рынка заключались в том, что темпы экономического роста снизились практически везде,

³ Насколько я знаю, о бредовой работе была написана только одна книга – «Boulots de Merde!». Ее написали в 2015 году парижские журналисты Жюльен Бриго и Оливье Сиран, и они сказали мне, что были непосредственно вдохновлены моей статьей. Это хорошая книга, но в ней обсуждаются несколько иные вопросы, чем здесь.

кроме Индии и Китая, остановилось научное и технологическое развитие, а в самых богатых странах молодое поколение впервые за несколько столетий ожидает, что его жизнь будет менее благополучной, чем у поколения родителей. Но на эти последствия сторонники рыночной идеологии всегда отвечают призывами дать еще более сильную дозу того же лекарства, а политики послушно следуют этим требованиям. Это меня всегда поражало. Если бы частная компания наняла консультанта для разработки бизнес-плана и план привел к резкому падению прибыли, то консультанта бы уволили. Ну, или, по меньшей мере, его попросили бы придумать другой план. Похоже, с рыночными реформами этого никогда не происходило. Чем более провальными они были, тем сильнее их продвигали. Единственный логичный вывод – за этим проектом на самом деле стояли не экономические соображения.

Но что же тогда? Мне казалось, что ответ следует искать в том, как мыслит политический класс. Почти все, кто принимает ключевые решения, посещали колледж в шестидесятые, когда кампусы находились в центре политического брожения. Эти люди очень сильно хотели, чтобы такого больше никогда не произошло. В результате, хотя их и может беспокоить падение экономических показателей, они вполне довольны тем, что сочетание ряда факторов, таких как глобализация, уничтожение профсоюзов, создание уязвимой и перегруженной рабочей силы, – одновременно с агрессив-

ным заигрыванием с шестидесятническими призывами к гедонистическому освобождению личности (то, что стали называть «либерализм как стиль жизни», «консерватизм в налогах») – привело к концентрации всё большего богатства и власти в руках богатых и практически полностью уничтожило основу для организованного противостояния их власти. Это, возможно, не очень хорошо сработало с экономической точки зрения, но в политическом плане это сработало просто идеально. По крайней мере, у них нет никаких причин отказываться от такой политики. В том очерке я всего лишь развил эту идею: когда мы обнаруживаем, что какие-то действия совершаются во имя экономической эффективности, но при этом выглядят абсолютно нерациональными с экономической точки зрения (например, если кто-то платит людям приличные деньги за то, что они ничего не делают), то нужно начать задавать вопрос, который задавали древние римляне: «*Qui bono?*» – «Кому это выгодно?» – и почему.

Это не конспирологический подход, а наоборот – *анти*-конспирологический. Я задавался вопросом о том, почему ничего *не* предпринимается. Экономические тенденции могут иметь разные причины, но если они приводят к проблемам для людей с властью и деньгами, то эти люди станут давить на институты с требованием вмешаться и что-то с этим сделать. Именно поэтому после финансового кризиса 2008–2009 годов крупные инвестиционные банки были спасены, в отличие от простых граждан с ипотекой. Распространение

бредовой работы, как мы увидим, произошло по ряду причин. Так что настоящий вопрос, который я задаю, состоит в том, почему никто не вмешался (если угодно, почему никто не организовал «заговор»), чтобы что-то с этим сделать.

* * *

В этой книге я хочу сделать намного больше.

Я считаю, что феномен бредовой занятости может пролить свет на более глубокие социальные проблемы. Нам нужно спросить себя не просто о том, как получилось, что такая значительная часть нашей рабочей силы оказывается занята задачами, которые работники сами признают бессмысленными, но также о том, почему такое большое количество людей верит, что это состояние вещей является нормальным, неизбежным или даже желательным. И вот что еще более странно. Эти люди придерживаются подобных мнений на абстрактном уровне и даже считают абсолютно нормальным, что те, кто занимается бессмысленной работой, должны получать больше денег, уважения и признания, чем те, кто делает что-то, что сами они считают полезным. Не впадают ли они тогда сами в депрессию и отчаяние, если занимают должности, где им платят за то, что они ничего не делают или не делают ничего, что они считали бы полезным для других людей? Здесь явно переплетены взаимно противоречащие идеи и мотивы. Одна из задач этой книги – начать с ни-

ми разбираться. Для этого нужно задать конкретные вопросы, например: «Откуда на самом деле берется бредовая работа?» Но также придется задаться и более глубокими историческими вопросами, к примеру: «Когда и как мы стали верить, что творчество должно приносить страдание?» Или «Как мы пришли к идее, что можно продавать свое время?» И наконец, нужно будет задаться фундаментальными вопросами о природе человека.

Эта книга также преследует политическую цель.

Я бы хотел, чтобы эта книга стала стрелой, нацеленной в самое сердце нашей цивилизации. Есть что-то глубоко неправильное в том, что мы с собой сделали. Мы стали цивилизацией, основанной на работе, – даже не на «производительной работе», а просто на работе как цели и смысле самим по себе. Мы стали полагать, что мужчины и женщины, которые не работают больше, чем хотят, на работе, которая им не особенно нравится, – это плохие люди, недостойные любви, заботы и поддержки со стороны сообщества. Мы как будто дали коллективное согласие на свое собственное порабощение. Когда мы осознаём, что половину времени занимаемся абсолютно бессмысленной или даже контрпродуктивной деятельностью (причем обычно по приказу людей, которые нам не нравятся), то наша главная политическая реакция состоит в том, что нас начинает терзать злоба из-за того, что кто-то, возможно, избежал этой ловушки. В результате ненависть, обида и подозрение стали тем клеем, на котором

держится общество. Это катастрофическое положение дел. Я хочу, чтобы это закончилось.

Если эта книга сможет хоть как-то приблизить этот конец, то ее стоило написать.

Глава 1. Что такое бредовая работа?

Начнем с того, что можно считать хрестоматийным примером бредовой работы.

Курт работает на субподрядчика немецкой армии. Точнее... на самом деле он работает на субподрядчика субподрядчика субподрядчика немецкой армии. Вот как он описывает свою работу:

У немецкой армии есть субподрядчик, который выполняет работу в сфере информационных технологий (ИТ).

У ИТ-компании есть субподрядчик, который управляет их логистикой.

В логистической компании есть субподрядчик, который занимается у них управлением персоналом; там я и работаю.

Скажем, солдат А переезжает в кабинет на две комнаты дальше по коридору. Вместо того чтобы просто перенести туда свой компьютер, он должен заполнить бланк.

Тот субподрядчик, который занимается ИТ, получает этот бланк, его просматривают, одобряют и отправляют дальше в логистическую компанию.

Логистическая компания, в свою очередь, одобряет перемещение солдата по коридору, а потом

запрашивает у нас персонал.

Люди в нашем офисе делают свою работу, и вот дело доходит до меня.

Мне пишут: «Будьте в казарме В во время С». Обычно эти казармы находятся на расстоянии от ста до пятисот километров от моего дома, так что мне выдают автомобиль напрокат. Я сажусь в машину, еду в казармы, говорю диспетчеру, что я приехал, заполняю бланк, отсоединяю компьютер, кладу его в коробку, запечатываю ее, прошу парня из логистической компании отнести коробку в соседнюю комнату. Там я распечатываю коробку, заполняю еще один бланк, подключаю компьютер, звоню диспетчеру, чтобы сообщить, сколько времени всё это заняло, получаю пару подписей, еду на арендованной машине обратно домой, посылаю диспетчеру письмо со всеми документами и затем получаю оплату.

Солдат мог бы просто перенести свой компьютер на пять метров, но вместо этого два человека тратят в общей сложности шесть – десять часов на дорогу, заполняют около пятнадцати страниц бумаг и тратят добрых четыреста евро из карманов налогоплательщиков⁴.

Это похоже на классический пример нелепой армейской волокиты, как у Джозефа Хеллера в романе 1961 года «Уловка-22», за исключением одного ключевого момента: в этой

⁴ «Bullshit Jobs», Liquid Legends. URL: www.liquidlegends.net/forum/general/460469-bullshit-jobs?page=3.

истории почти никто в действительности не работает в вооруженных силах. Строго говоря, все эти люди относятся к частному сектору. Когда-то, конечно, у каждой армии были собственные отделы связи, логистики и кадров, но сейчас это всё должно проходить через несколько слоев аутсорсинга в частном секторе.

Работу Курта можно считать хрестоматийным примером бредовой работы по одной простой причине: если бы это рабочее место убрали, в мире ничего бы заметно не изменилось. Не исключено, что положение дел только бы улучшилось, ведь немецким военным базам, вероятно, пришлось бы найти более толковый способ перемещать оборудование. Но самое важное, что Курт не только выполняет абсурдную работу, но и сам прекрасно знает о ее абсурдности. (На самом деле в блоге, где он опубликовал эту историю, ему даже пришлось доказывать бесполезность этой работы куче поклонников свободного рынка: как всегда на интернет-форумах, они мгновенно появились и стали утверждать, что раз работа Курта создана в частном секторе, она по определению решает достойные задачи.)

Это я считаю определяющей чертой бредовой работы: она настолько бессмысленна, что даже человек, который занимается ею каждый день, не может убедить себя в том, что для этого есть хоть сколько-нибудь веская причина. Порой он не может признаться в этом своим коллегам – часто у него есть вполне весомые основания этого не делать. Тем не менее он

убежден, что его работа бессмысленна.

Давайте это будет нашим первым предварительным определением:

Предварительное определение: бредовая работа – это форма занятости, настолько бессмысленная, ненужная или вредная, что ее существование не может оправдать даже сам работник.

Иногда работа настолько бессмысленна, что никто даже не замечает исчезновения работника. Обычно такое происходит в государственном секторе:

В Испании госслужащий шесть лет не появлялся на работе и вместо этого изучал Спинозу

Jewish Times. 26 февраля 2016 года

На протяжении по крайней мере шести лет испанский госслужащий получал зарплату, но вместо работы тратил время на изучение трудов еврейского философа Баруха Спинозы, сообщили испанские медиа.

Месяц назад суд в Кадисе на юге Испании обязал шестидевятилетнего Хоакина Гарсию выплатить приблизительно тридцать тысяч долларов в качестве штрафа за то, что он не появлялся на работе в комитете водоснабжения Agua de Cadiz, где с 1996 года он числился инженером, сообщил

на прошлой неделе новостной сайт euronews.com.

Его отсутствие впервые заметили в 2010 году, когда Гарсия должен был получить медаль за выслугу лет. Заместитель мэра Хорхе Блас Фернандес начал наводить справки и выяснил, что Гарсию не видели на рабочем месте шесть лет.

Анонимные источники, близкие к Гарсии, сообщили газете El Mundo, что эти годы он посвятил изучению работ Спинозы, опального еврейского философа XVII века из Амстердама. Один из источников заявил El Mundo, что Гарсия стал знатоком Спинозы, но при этом опроверг, что Гарсия ни разу не появлялся на работе, и утверждает, что он просто приходил без строгого графика⁵.

В Испании эта история попала на первые полосы газет. Когда в стране режим строгой экономии и высокий уровень безработицы, кажется возмутительным, что некоторые госслужащие могут без последствий прогуливать работу годами и никто этого не замечает. Однако и оправдания Гарсии нельзя сбрасывать со счетов. Он объяснил, что много лет прилежно работал, наблюдая за городской водоочистой станцией, но затем в комитет водоснабжения пришло новое начальство, которое презирало Гарсию за его социалистические взгляды и не давало ему никакой ответственной работы.

⁵ Spanish Civil Servant Skips Work for 6 Years to Study Spinoza // Jewish Telegraphic Agency (JTA). 2016. February 26. URL: www.jta.org/2016/02/26/news-opinion/world/spanish-civil-servant-skips-work-for-6-years-to-study-spinoza.

Эта ситуация его настолько расстроила, что ему пришлось обратиться к врачу в связи с депрессией. В итоге, посоветовавшись со своим психотерапевтом, он решил, что вместо того, чтобы целыми днями притворяться занятым, он лучше убедит комитет водоснабжения, что работает с муниципалитетом, а муниципалитет – что он работает с комитетом водоснабжения, будет появляться в случае возникновения каких-либо проблем, а в остальное время просто будет сидеть дома и тратить свою жизнь с пользой⁶.

Подобные истории о государственном секторе появляются регулярно. Одна из наиболее известных – про почтальонов, которые вместо того, чтобы разносить почту, решили сваливать ее в кладовые, гаражи или мусорные баки, в результате чего тонны писем и посылок скапливались годами, и никто об этом даже не догадывался⁷. В романе Дэвида Фо-

⁶ *Henley J. Long Lunch: Spanish Civil Servant Skips Work for Years Without Anyone Noticing // Guardian (US). 2016. February 16. URL: www.theguardian.com/world/2016/feb/12/long-lunch-spanish-civil-servant-skips-work-for-years-without-anyone-noticing.* Быть может, его вдохновила мысль Спинозы о том, что все существа стремятся увеличить свою власть, но эта власть в одинаковой степени состоит как в возможности воздействовать на других, так и в возможности претерпевать чужое воздействие. Со Спинозистской точки зрения, худшая работа – это работа, на которой ты ни на кого не воздействуешь и на тебя никто не воздействует.

⁷ В принципе, работа почтальона – точно не бредовая работа. Но эта история подсказывает, что раз девяносто девять процентов писем, которые они решили не доставлять, были мусором, то, возможно, их работа не отличалась от бредовой работы. Вряд ли эта история действительно имела место, но она отражает некоторые общественные настроения. Об изменении отношения к почтовым ра-

стера Уоллеса «Бледный король», повествующем о жизни в офисе Налогового управления США в Пеории, штат Иллинойс, дело заходит еще дальше. Аудитор умирает за своим рабочим столом и остается в кресле на протяжении нескольких дней, прежде чем кто-то это замечает. Это кажется абсурдистской карикатурой, но в 2002 году примерно то же самое в действительности произошло в Хельсинки. Финский налоговый инспектор, работая в закрытом кабинете, скончался и просидел мертвым за своим рабочим столом более двух суток, в то время как тридцать человек продолжали работать вокруг него. «Люди думали, что он хотел спокойно поработать, и никто его не тревожил», – отметил его руководитель (что, в принципе, очень заботливо с его стороны)⁸.

Конечно, такие истории подталкивают политиков во всем мире призывать к расширению роли частного сектора. Они всегда утверждают, что там бы такого не произошло. И хотя мы действительно не слышали историй о сотрудниках FedEx или UPS, которые складывают посылки в сараях, приватизация порождает собственное безумие – зачастую еще более неприглядное, как показывает история Курта. Самое смешное, безусловно, заключается в том, что Курт в конечном счете работал на вооруженные силы Германии. Немецкую армию обвиняли много в чем, но ее редко упрекали за

ботникам, см. мою книгу: *Гребер Д. Утопия правил. О технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии*. М., 2016. С. 138–150.

⁸ См. <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/europe/3410547.stm?a>, 7 апреля, 2017.

неэффективность. Однако в потоке бреда тонут все лодки. В XXI веке даже бронетанковые дивизии оказались окружены суб-, суб-суб- и суб-суб-субподрядчиками всех сортов; командирам танков приходится выполнять сложные экзотические бюрократические ритуалы, чтобы переместить оборудование из одной комнаты в другую, в то время как люди, которые оформляют им бумаги, тайно публикуют в блогах подробные жалобы, насколько всё это глупо.

Судя по всем этим случаям, основная разница между государственным и частным сектором заключается не в способности порождать больше или меньше бестолковой работы. Она даже не в том, какую именно бестолковую работу они генерируют. Главное отличие в том, что обычно в частном секторе бестолковую работу контролируют намного строже. Так бывает не всегда: как мы увидим далее, поразительное число сотрудников банков, фармацевтических и инженерных компаний тратят большую часть времени на обновление страниц в Facebook. И всё же в частном секторе есть свои пределы. Если бы Курт просто ушел с работы, чтобы изучать своего любимого еврейского философа XVII века, его бы быстро освободили от занимаемой должности. Если бы комитет водоснабжения Кадиса приватизировали, менеджеры по-прежнему могли бы оставлять Хоакина Гарсию без ответственных обязанностей из-за неприязни к нему, но ему всё равно пришлось бы каждый день сидеть за своим рабочим столом, притворяясь, что он работает, либо же искать

себе другое место.

Пусть читатели сами решают, можно ли это считать прогрессом.

Почему профессия наемного убийцы не подходит в качестве примера бредовой работы

Еще раз: то, что я называю бредовой работой, – это работа, в основном или целиком состоящая из задач, которые сам работник считает бессмысленными, ненужными или даже вредными. Это работа, от исчезновения которой вообще ничего не изменится. И главное, это работа, про которую сами работники думают, что она не должна существовать.

Похоже, в современном капиталистическом обществе полно таких рабочих мест. Как я упомянул в предисловии, опрос YouGov обнаружил, что в Великобритании только пятьдесят процентов людей с постоянной работой были совершенно уверены, что их труд приносит миру какую-то пользу, а тридцать семь процентов уверены в том, что не приносит. В голландском опросе Schouten & Nelissen последний показатель достиг сорока процентов⁹. Если вдуматься, это поразительная статистика. В конце концов, существует огромное количество рабочих мест, которые никак нельзя назвать бессмысленными. Скорее всего, процент медсестер, водителей автобусов, стоматологов, дворников, фермеров,

⁹ «Vier op tien werknemers noemt werk zinloos». <http://overhetnieuwewerken.nl/vier-op-tien-werknemers-noemt-werk-zinloos/>.

учителей музыки, ремонтников, садовников, пожарных, художников-декораторов, сантехников, журналистов, инспекторов по технике безопасности, музыкантов, портных и регулировщиков пешеходных переходов перед школами, которые на вопрос: «Имеет ли ваша работа какую-нибудь значимость для мира?» – ответили отрицательно, был близок к нулю. Результаты моих собственных исследований показывают, что сотрудники магазинов и ресторанов и другие работники сферы услуг с невысокими должностями тоже редко считают свою работу никчемной. Многие работники сферы обслуживания ненавидят свою работу, но даже они осознают, что их труд все-таки что-то меняет в мире¹⁰.

Итак, если от тридцати семи до сорока процентов работающего населения страны убеждены, что от их труда вообще ничего не меняется, и еще значительная часть допускает, что это так, то можно заключить, что любой офисный работник, которого можно заподозрить в том, что он втайне считает свою работу бредовой, действительно именно так и думает.

* * *

В первой главе я прежде всего хотел бы определить, что я

¹⁰ Типичное замечание от Руфуса: «Мне бы очень хотелось сказать вам, что моя самая бесполезная работа заключалась в приготовлении латте для исключительно важных особ, но, оглядываясь назад, я понимаю, что на самом деле помог сделать их день лучше».

понимаю под бредовой работой; в следующей же главе я изложу типологию ее основных разновидностей. В последующих главах мы благодаря этому поймем, откуда берутся бредовые должности, почему их стало так много и каковы их психологические, социальные и политические последствия. Я уверен, что эти последствия возникают незаметно, но при этом весьма пагубны. Мы создали общество, где множество людей вовлечены в бесполезную занятость и при этом ненавидят и презирают как тех, чья работа наиболее важна для общества, так и тех, у кого вообще нет оплачиваемой работы. Но прежде чем перейти к анализу этой ситуации, необходимо ответить на возможные возражения.

Читатель, может быть, заметил определенную двусмысленность в моем изначальном определении, согласно которому бредовая работа включает в себя обязанности, которые работник считает «бессмысленными, ненужными или даже вредными». Однако, разумеется, работа, которая не имеет заметных последствий, и работа, которая имеет вредные последствия, – это не одно и то же. Большинство читателей согласятся, что наемный убийца приносит в целом больше вреда, чем пользы; но можем ли мы назвать работу киллера бредовой? Это звучит как-то неправильно.

Как учил Сократ, когда такое случается – когда наши собственные определения приводят к результату, который интуитивно кажется нам неправильным, – это происходит потому, что мы сами не знаем о своих подлинных воззрениях.

(Поэтому Сократ считал истинным предназначением философов говорить людям о том, о чем они уже знают, но еще не понимают, что они это знают. Можно сказать, что антропологи – в том числе я – занимаются чем-то похожим.) Словосочетание «бредовая работа» находит отклик у многих людей. Оно по какой-то причине что-то для них значит. Это означает, что в их головах хотя бы на каком-то интуитивном уровне есть критерии, позволяющие сказать: «Ну до чего бредовая была работа» или «Да, та работа была так себе, но не то чтобы прямо бредовая». Многие люди, занятые вредной работой, чувствуют, что эта фраза к ним подходит, а другие ясно чувствуют, что это не про них. Лучший способ выяснить, каковы же эти критерии, – рассмотреть пограничные случаи.

Итак, почему нам кажется, что про наемного убийцу нельзя сказать, что у него бредовая работа?¹¹

Наверное, причин много, но одна из них заключается в том, что киллер (в отличие от, скажем, валютного спекулянта или исследователя рынка какого-нибудь бренда) вряд ли будет делать ложные заявления. Конечно, мафиози обычно утверждает, что он всего лишь «бизнесмен». Но если уж он признается, чем он на самом деле занимается, то он обычно вполне честен по поводу того, что он делает. Он вряд ли станет делать вид, что его работа каким-либо образом бла-

¹¹ Должен заметить, что я здесь опираюсь скорее на то, как киллеры представлены в популярной культуре, а не на этнографические и социологические исследования реальных киллеров.

готворна для общества, даже в той степени, в какой он будет настаивать, что она вносит вклад в успех команды, предоставляющей «полезные» товары или услуги (наркотики, проституцию и так далее), – а если и станет, то не всерьез.

Теперь мы можем доработать наше определение. Бредовая работа – это не просто работа, которая бесполезна или вредна; обычно она также включает в себя некий элемент притворства или обмана. Работнику надо делать вид, будто его работа существует не просто так, даже если он втайне сам в это не верит. Между притворством и реальностью должен быть некий зазор. (Это обосновано и с точки зрения этимологии¹²: в конце концов, в английском языке «bullshitting» – это форма нечестности¹³.)

Сделаем теперь вторую попытку:

Предварительное определение – 2: бредовая работа – это настолько бессмысленная, ненужная или вредная

¹² Интересно, что *bull* – не сокращение от *bullshit*, а наоборот, слово *bullshit* возникло в XX веке от слова *bull*. Изначально это слово происходит от французского *bole* – «обман, мошенничество». Само слово *bullshit* впервые появилось в неопубликованной поэме Т. С. Элиота. *Bollocks* (ерунда) – тоже производное от *bole*.

¹³ Я бы сказал «ложь», но философу Гарри Франкфурту (см.: *Frankfurt G. On Bullshit*. Princeton, 2005) принадлежит известное утверждение, что *bullshitting* – это совсем не то же самое, что ложь. Разница примерно такая же, как и между убийством и непреднамеренным убийством: одно – намеренный обман, второе – беспечное пренебрежение правдой. Не уверен, что это разграничение хорошо работает в данном контексте, но не думаю, что имеет смысл углубляться в эту дискуссию.

форма занятости, что даже сам работник не может оправдать ее существование, хотя он чувствует необходимость притворяться, что это не так.

Конечно, есть и другая причина, почему труд киллера – не бредовая работа. Сам наемный убийца не убежден в том, что его работа не должна существовать. Большинство мафиози считают, что продолжают древнюю и благородную традицию, которая ценна сама по себе, вне зависимости от того, вносит ли она вклад в общее благо. Поэтому, кстати, и «феодалный сюзерен» – это также не бредовая должность. Короли, графы, императоры, паши, эмиры, сквайры, заминдары, лендлорды и им подобные могут, пожалуй, быть бесполезными людьми. Многие утверждают (и я склонен с этим согласиться), что они играют пагубную роль в человеческих отношениях. Но *они сами* так не считают. Если только король не является тайным марксистом или республиканцем, можно с уверенностью сказать, что «король» – не бредовая должность.

Это важно иметь в виду, потому что большинство людей, которые причиняют миру основной вред, об этом даже не подозревают. Или же они дают себя убедить бесконечной свите из оплаченных прихвостней и подхалимов, которые неизбежно собираются вокруг них с историями о том, почему они и вправду делают все хорошо (сегодня их иногда называют мозговыми центрами (think tanks)). Это касается как директоров инвестиционных банков, занятых финансовыми

спекуляциями, так и военных лидеров в странах вроде Северной Кореи или Азербайджана. Мафиозные семьи – не характерный пример, возможно, потому, что они особо и не претендуют на полезность, ведь, в конечном счете, они просто миниатюрная и незаконная разновидность той же самой феодальной традиции: изначально они играли роль силового ресурса для местных сицилийских землевладельцев, но со временем стали действовать самостоятельно¹⁴.

Наконец, последняя причина, почему труд киллера не может считаться бредовой работой: не совсем ясно, работа ли это вообще. Да, киллер вполне может быть в том или ином качестве нанят местным криминальным авторитетом. Например, криминальный авторитет может дать ему фиктивную должность охранника в казино. В таком случае мы

¹⁴ Для того чтобы понять, в чем заключаются такие феодальные отношения, вспомните фамилию Корлеоне. Так звали выдуманный мафиозный клан в романе Марио Пьюзо «Крестный отец» и в его экранизации Фрэнсисом Фордом Coppola, но на самом деле это название городка в Сицилии, откуда родом множество мафиози. На итальянском это слово означает «львиное сердце». Скорее всего, это связано с тем, что норманны, которые завоевали Англию в 1066 году, до этого также захватили арабскую Сицилию и переняли многие элементы управления у арабов. Вспомните: в историях о Робине Гуде главный злодей – это шериф Ноттингема, а король, который всегда где-то далеко в крестовых походах, – Ричард Львиное Сердце. «Шериф» – англизированная версия арабского слова «шариф», и это как раз одна из должностей, позаимствованных из административного управления Сицилии. Вопрос о том, существует ли прямая связь между Корлеоне и британским королем, открыт, но что-то общее у них явно есть. Так что, хотя и косвенно, герой Марлона Брандо в «Крестном отце» обязан своим именем Ричарду Львиное Сердце.

определенно можем назвать *эту* работу бредовой. Но деньги он получает не за работу киллером.

* * *

Теперь мы можем еще доработать наше определение. Когда говорят о бредовой работе, обычно имеют в виду работу по найму, будь то со сдельной оплатой или на условиях регулярной заработной платы (многие также добавили бы сюда платные консультации). Конечно, есть множество самозанятых, которые получают от других деньги, делая вид, что предоставляют какое-нибудь благо или услугу (обычно их называют аферистами, мошенниками, шарлатанами или обманщиками), точно так же как есть самозанятые, которые получают деньги от других, нанося или угрожая нанести им вред (их обычно зовут грабителями, налетчиками, вымогателями или ворами). В первом случае, по крайней мере, мы точно можем говорить об одурачивании (bullshit), но не о дурацкой работе (bullshit jobs), потому что это, строго говоря, не работа. Мошенничество – это разовый акт, а не профессия. То же самое касается «грязной работы»¹⁵. Иногда говорят о профессиональных ворах, но это просто означает, что

¹⁵ В оригинале игра слов: «Brink's job» – название комедийного фильма 1978 года о грабителях, в котором снялся Питер Фальк. Brink's – название известной фирмы, специализирующейся на охране и безопасности. – *Примеч. ред.*

кража для такого вора – основной источник дохода¹⁶. Никто на самом деле не платит им зарплату или жалование за то, что они обчищают квартиры. По этой причине нельзя сказать, что вор-взломщик – это работа в прямом смысле слова¹⁷.

На основании этих соображений мы, кажется, можем сформулировать окончательное рабочее определение.

Окончательное рабочее определение: бредовая работа – это настолько бессмысленная, ненужная или вредная оплачиваемая форма занятости, что даже сам работник не может оправдать ее существование, хотя в силу условий найма он чувствует необходимость притворяться, что это не так.

¹⁶ Многие занимаются грабежом в свободное время. Я когда-то жил в многоквартирном доме, где по понедельникам постоянно происходили ограбления. Как выяснилось впоследствии, грабителем был парикмахер, который как раз не работал по понедельникам.

¹⁷ Многие грабители, от похитителей произведений искусства до обыкновенных магазинных воришек, могут предлагать свои услуги другим, но даже в таком случае они действуют как независимые подрядчики, а значит, являются самозанятыми. С киллером ситуация сложнее. Можно сказать, что если кто-то является давним рядовым членом криминальной организации, то это следует считать «работой». Но мне не кажется, что так считает большинство людей, которые этим занимаются (как это на самом деле, я, конечно, не знаю).

О важности субъективного элемента, а также почему люди, которые считают свою работу бредовой, обычно правы

Думаю, это годное определение; по крайней мере, оно подходит для целей этой книги.

Внимательный читатель мог заметить еще один спорный момент. Мое определение является субъективным. Для меня бредовая работа – это занятие, которое сам работник считает бессмысленным, ненужным или вредным, и при этом я предполагаю, что работник прав¹⁸. Я предполагаю, что его представления основаны на реальности. Необходимо сделать подобное допущение, поскольку иначе мы бы ни к чему не пришли, так как одна и та же работа может один день быть бредовой, а на следующий день нет – в зависимости от того, как у работника меняется настроение. Идея очень проста: существует общественная ценность, которая не сводится к

¹⁸ Я не утверждаю, что такая работа – это «оплачиваемая форма занятости, которая *кажется* настолько бессмысленной, ненужной или вредной, что даже сам работник не может оправдать ее существование». Я говорю, что это *действительно* «насколько бессмысленная, ненужная или вредная оплачиваемая форма занятости, что даже сам работник не может оправдать ее существование». То есть работа не просто кажется человеку бредовой, но его представления являются обоснованными и верными.

рыночной стоимости, и, поскольку никто так и не придумал адекватного способа измерять ее, оценка самого работника описывает ситуацию наиболее адекватным образом¹⁹.

Как правило, совершенно ясно, почему это так: если человек работает в офисе и действительно тратит восемьдесят процентов времени на создание мемов про котиков, у него не может быть никаких иллюзий по поводу того, что он делает, вне зависимости от того, знают ли об этом его коллеги за перегородкой. Но даже в более сложных случаях, когда непонятно, какой вклад работник на самом деле вносит в деятельность организации, я всё же думаю, что лучше всех ответ знает он сам. Я понимаю, что кое-кому это утверждение покажется спорным. Руководители и другие большие шишки скажут, что сотрудники крупных корпораций обычно не вполне осознают свой вклад, так как общая картина видна только сверху. Я не считаю, что это совсем неверно: зачастую работники на низших уровнях не видят некоторые элементы общего контекста или им просто о них не сообщают, в особенности если компания занята чем-нибудь неза-

¹⁹ Давайте рассмотрим мой собственный случай. Сейчас я – профессор антропологии в Лондонской школе экономики. Некоторые люди считают, что антропология – это идеальный пример бредовой области. В 2011 году Рик Скотт, губернатор штата Флорида, даже привел антропологию как наилучший пример дисциплины, без которой университеты его штата спокойно бы обошлись. (*Jaschik J. Florida GOP Vs. Social Science // Inside Higher Education*. 2011. October 12. URL: www.insidehighered.com/news/2011/10/12/florida_governor_challenges_idea_of_non_stem_degrees).

конным²⁰. Но, судя по моему опыту, любую мелкую сошку, которая работает на компанию сколько-нибудь долго (скажем, год или два), рано или поздно отзовут в сторону и сообщат корпоративные секреты.

Да, бывают и исключения. Иногда менеджеры намеренно делят задачи таким образом, чтобы работники не понимали, как их труд способствует успеху дела в целом, – так часто делают в банках. Я даже слышал о фабриках в Америке, где рабочие на конвейере вообще не знают, что производит завод, хотя почти всегда оказывалось, что это было потому, что владельцы намеренно нанимали людей, которые не говорят по-английски. И всё же в этих случаях работники обычно думают, что их работа приносит пользу, просто они не знают, какую именно. Вообще, мне кажется, разумно предположить, что сотрудники обычно знают, что происходит в офисе или в цеху, и наверняка понимают, как их работа помогает (или не помогает) делу, – по крайней мере, они это по-

²⁰ Мне рассказывали, что в Countrywide Financial, одном из ключевых участников скандала с субстандартным ипотечным кредитованием 2008 года, было два класса работников: «задроты» на низших уровнях и «свои ребята», которые были в курсе всех махинаций. В своем исследовании я наткнулся на еще более показательный пример: одна женщина написала мне о том, как она почти год продавала рекламу в бортовом журнале, которого, как она со временем выяснила, на самом деле не существовало. Подозрения у нее появились, когда она поняла, что ни разу не видела журнал ни в офисе, ни в самолете, хотя летала она довольно часто. В конце концов ее коллеги по секрету признались ей, что вся ее работа была фикцией.

нимают лучше, чем кто-либо еще²¹. А вот понимают ли это руководители, иногда неизвестно. В своем исследовании я часто сталкивался с тем, что рядовые сотрудники задавались вопросом: «*Знает ли* мой начальник, что я трачу восемьдесят процентов времени на создание мемов про котиков? Он только притворяется, что не замечает, или он правда не в курсе?» И чем выше вы находитесь на служебной лестнице, тем больше у людей причин скрывать от вас правду всёи тем хуже становится эта ситуация.

Самая сложная проблема связана с вопросом о том, можно ли считать полностью бредовыми определенные *виды* работы (скажем, продажи по телефону, маркетинговые исследования, консалтинг), то есть можно ли сказать, что они производят хоть какую-то позитивную общественную ценность. Здесь единственное, что я могу сказать, – это что лучше всего довериться суждениям самих работников. В конце концов, общественная ценность зависит от того, что люди считают общественной ценностью. А раз так, то кто знает лучше

²¹ Как обычно, нет правил без исключений. Как мы увидим далее, во многих крупных организациях (например, в банках) топ-менеджеры нанимают консультантов или внутренних аудиторов, чтобы понять, чем люди на самом деле занимаются. Один банковский аналитик рассказал мне, что восемьдесят процентов сотрудников банка занимаются ненужными делами и, как ему кажется, даже не осознают этого, так как их держат в неведении относительно того, какую роль они играют в организации в целом. Однако, по его словам, начальники этих людей знали немногим больше и поэтому отвергли все его предложения что-то изменить. Важно также подчеркнуть, что люди не полагали ошибочно, что у них бредовая работа, – дело обстоит как раз таки наоборот.

работников? В этом случае я бы сказал, что если большинство занятых какой-то работой втайне думает, что их работа не имеет общественной ценности, значит, нужно исходить из того, что они правы²².

Конечно, педанты и здесь найдут что возразить. Они спросят: откуда мы можем знать наверняка, что втайне думает большинство работников в отрасли? Конечно, невозможно сказать точно. Даже если бы мы могли провести опрос среди лоббистов или финансовых консультантов, неясно, сколько из них дали бы честные ответы. Когда я в самом начале писал в своем эссе о бесполезных отраслях, я исходил из того, что лоббисты и финансовые консультанты в основном знают о своей бесполезности и что многих из них, если не всех, часто посещает мысль, что мир ничего не потерял бы, если бы их профессии просто исчезли.

Я могу ошибаться. Возможно, корпоративные лоббисты и финансовые консультанты искренне верят в теорию общественной ценности, согласно которой их работа важна для здоровья и благосостояния народа. Возможно, поэтому они спят спокойно в своих постелях, уверенные, что их работа приносит счастье всем вокруг. Не знаю наверняка, но, долж-

²² Даже здесь можно не согласиться. А как насчет сайентологов? Почти все, кто проводит исследования с помощью е-метров, чтобы люди могли обнаружить пережитую в прошлой жизни травму, убеждены в невероятной общественной ценности своей работы, хоть большинство и считает их либо помешанными, либо мошенниками. Но, опять же, это не очень важно, ведь никто и не говорит, что целители – это бредовая работа.

но быть, это скорее относится к тем, кто продвинулся вверх по служебной лестнице. Потому что представляется логичным, что чем больше вреда власть имущие причиняют миру, тем больше подхалимов и пропагандистов собирается вокруг и выдумывает, почему они на самом деле творят добро, и тем вероятнее, что хотя бы часть власть имущих им поверит²³. Всё, без сомнения, выглядит так, будто корпоративные лоббисты и финансовые консультанты причиняют миру непропорционально много вреда (по крайней мере, если речь идет о вреде, который причиняется людьми при исполнении ими профессиональных обязанностей). Возможно, им действительно приходится заставлять себя поверить в то, что они делают.

В таком случае финансовое дело и лоббизм вовсе не бредовая работа; они, скорее, похожи на работу наёмных убийц. На самом верху иерархии дело, видимо, так и обстоит. Например, как я упоминал в эссе в 2013 году, я не знаю ни одного корпоративного юриста, который не считал бы свою работу бредовой. Это, конечно, также говорит и о том, с какими корпоративными юристами я знаком: эти люди когда-то были поэтами или музыкантами. Но еще важнее то, что они не особенно высоко стоят в иерархии. У меня складывается впечатление, что по-настоящему влиятельные корпоратив-

²³ Можно показать, что часто пропаганда, которая, по идее, должна обманывать своих жертв, на самом деле в первую очередь направлена на одурачивание самих пропагандистов.

ные юристы искренне верят в то, что заняты делом. А может, их просто не волнует, приносят они пользу или вред.

На самом верху финансовой пищевой цепочки это определено так. В апреле 2013 года, по странному стечению обстоятельств, мне довелось присутствовать на конференции «Как окончательно исправить банковскую систему», проводимой Федеральным резервным банком Филадельфии. На ней выступил Джеффри Сакс, экономист из Колумбийского университета, известный прежде всего тем, что разработал для стран бывшего Советского Союза реформы, названные «шоковой терапией». Он выступал по видеосвязи и ошеломил всех, когда он, как выразились бы аккуратные журналисты, «на редкость откровенно» высказался о руководителях американских финансовых учреждений. Особую ценность словам Сакса придает то, что, как он постоянно подчеркивал, многие из этих людей были с ним совершенно честны, поскольку предполагали, и не совсем безосновательно, что он на их стороне:

Знаете, я сейчас часто вижу с этими людьми на Уолл-стрит... я их знаю. Это люди, с которыми я обедаю. И я скажу совершенно прямо: там нездоровая моральная среда. [Эти люди] не считают себя обязанными платить налоги, не чувствуют ответственности перед клиентами, ответственности перед контрагентами по сделкам. Они грубые, жадные, агрессивные, у них действительно нет тормозов, и эти люди здорово надули всю систему. Они искренне

считают, что у них есть Богом данное право брать сколько угодно денег и делать это любым способом, законным или незаконным.

Если посмотреть на пожертвования на избирательные кампании, что мне как раз вчера довелось сделать по другим причинам, то финансовые рынки – это спонсоры номер один на выборах в США сегодня. Наша политика коррумпирована насквозь... Обе партии по уши в этом.

И всё это привело к ощущению безнаказанности, которое и правда потрясает, его сейчас можно заметить при личном общении с ними. Это очень, очень нездоровая ситуация. Я четыре года ждал – уже даже пять лет, – что встречу на Уолл-стрит хоть кого-нибудь, кто заговорил бы на языке морали. И я этого так ни разу и не увидел²⁴.

Вот, пожалуйста. Если Сакс был прав (а в самом деле, кому лучше знать, как не ему?), то на командных высотах финансовой системы находятся уже не люди, занятые бредовой работой. Это даже не люди, которые поверили собственным пропагандистам. Это просто кучка жуликов.

Важно также отличать бессмысленную работу от просто

²⁴ Эти слова были незапланированными, никто их не записывал. Цитата восстановлена частично из: *Byrne J. A. Influential Economist Says Wall Street Is Full of Crooks* // New York Post. 2013. April 28. URL: <http://nypost.com/2013/04/28/influential-economist-says-wall-streets-full-of-crooks>, частично из статьи Джанет Таваколи в Business Insider (www.businessinsider.com/i-regard-the-wall-street-moral-environment-as-pathological-2013-9?IR=T), а частично из моих собственных записей с той конференции.

плохой работы. В качестве названия для последней я использую часто употребляемое слово «дерьмовая работа» (shit jobs).

Я поднял этот вопрос только потому, что эти два понятия постоянно путают, а это странно, ведь между ними нет ничего общего. Их даже можно противопоставить друг другу. Бредовая работа часто хорошо оплачивается, и у сотрудников, выполняющих ее, обычно отличные условия труда; просто она бессмысленна. Говноработа обычно совсем не бесполезная – как правило, это нужное занятие, которое явно приносит обществу пользу, просто к работникам плохо относятся и им мало платят.

Конечно, некоторые профессии сами по себе неприятны, но всё же приносят удовлетворение каким-то иным образом. (Есть старый анекдот о парне, который убирал слоновий навоз в цирке. Что бы он ни делал, он никак не мог избавиться от запаха. Он менял одежду, мыл голову, бесконечно натирался мылом, но запах не исчезал, и женщины его избегали. Старый друг наконец спросил его: «Зачем ты так с собой? Вокруг так много других мест, где ты мог бы работать». Парень ответил: «Что?! И бросить шоу-бизнес?!») Эта работа, в чем бы она ни заключалась, не бредовая и не дерьмовая. Некоторые другие виды работы, например уборка, сами по себе не являются унижительными, но их легко сделать таковыми.

Например, в университете, где я сейчас работаю, к убор-

щикам относятся ужасно. Как и в большинстве университетов сегодня, эта работа была выведена на аутсорсинг. Их нанимает не сам университет, а агентство, чей логотип красуется на фиолетовой униформе уборщиков. Им мало платят, они вынуждены работать с опасными химикатами, из-за чего им часто приходится брать отпуск для восстановления, например потому, что у них повреждены руки (а отпуск никак не компенсируется), и вообще отношение к ним наполнено презрением и произволом. Нет никакой причины так оскорбительно относиться к уборщикам. Но, по крайней мере, они могут быть горды (и, уверяю вас, обычно они действительно горды), потому что знают, что здания необходимо чистить, а значит, без труда уборщиков университет просто не смог бы функционировать²⁵.

Дерьмовая работа – это синий воротничок с почасовой оплатой, а бредовая работа – это белый воротничок с окладом. Люди, делающие дерьмовую работу, часто сталкиваются с пренебрежением; мало того, что они вкалывают, так еще именно поэтому их не уважают. Но они хотя бы знают, что делают что-то полезное. Люди, выполняющие бредовую работу, наоборот, обычно окружены почетом и уважением, их ценят как профессионалов, они хорошо зарабатывают, и считается, что они многого достигли и имеют все основания

²⁵ Пока я проводил исследование, я наткнулся на удивительно большое число людей (ну, их трое) с высшим образованием, которым настолько надоела бессмысленность офисной работы, что они в самом деле стали уборщиками – просто чтобы ощущать, что занимаются честным трудом.

гордиться тем, что делают. И всё же в душе они знают, что ничего не достигли. Они чувствуют, что не сделали ничего, чтобы заслужить все эти потребительские игрушки, которыми они наполнили свою жизнь. У них присутствует ощущение, что всё это построено на лжи, и это действительно так.

Это два абсолютно разных вида угнетения. Безусловно, не стоит приравнивать их друг к другу. Мало кто из моих знакомых променял бы бессмысленную должность менеджера среднего звена на работу канавокопателем, хотя они понимают, что канавы и правда надо копать. (Впрочем, я знаю людей, которые бросили свою бредовую работу, чтобы стать уборщиками, и вполне этим довольны.) Я лишь утверждаю, что каждый из этих двух видов работы угнетает по-своему²⁶.

Теоретически также возможно работать одновременно и на бредовой и на дерьмовой работах. Думаю, если представить себе худшую работу на свете, она будет сочетанием этих двух видов. Когда Достоевский был в ссылке в Сибири, он придумал теорию, что самый ужасный вид пытки – это заставить человека бесконечно выполнять работу, которая явно бессмысленна. Он заметил, что, хотя заключенные были приговорены к «каторжным работам», на деле работа была не такой уж каторжной. У крестьян работа обычно намного тяжелее. Но крестьяне хотя бы отчасти работали на себя. На

²⁶ Мне не следовало бы это объяснять, но всегда находятся читатели, у которых не очень хорошо с логикой: то, что говноработа обычно бывает полезной и нужной, не значит, что вся полезная и нужная работа – говно.

каторге тяжесть труда заключалась в том, что труженики ничего от труда не получали:

Мне пришло раз на мысль, что если б захотели вполне раздавить, уничтожить человека, наказать его самым ужасным наказанием, так что самый страшный убийца содрогнулся бы от этого наказания и пугался его заранее, то стоило бы только придать работе характер совершенной, полнейшей бесполезности и бессмыслицы.

Если теперешняя каторжная работа и безынтересна и скучна для каторжного, то сама в себе, как работа, она разумна: арестант делает кирпич, копает землю, штукатурит, строит; в работе этой есть смысл и цель. Каторжный работник иногда даже увлекается ею, хочет сработать ее ловчее, скорее, лучше. Но если б заставить его, например, переливать воду из одного ушата в другой, а из другого в первый, толочь песок, перетаскивать кучу земли с одного места на другое и обратно, — я думаю, арестант удавился бы через несколько дней или наделал бы тысячу преступлений, чтоб хоть умереть, да выйти из такого унижения, стыда и муки²⁷.

²⁷ *Достоевский Ф. М. Записки из мертвого дома // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 3. Л., 1988. С. 205—481. Мой друг Андрей Грубачич рассказал о своем деде, с которым именно это и проделывали в качестве пытки, когда он находился в югославском лагере для перевоспитания в 1950-е годы, в эпоху правления Тито. Видимо, надзиратели читали классику.*

О распространенном заблуждении, что бредовая работа в основном бывает в государственном секторе

Мы уже выявили три вида работы: полезная работа (которая может быть и дерьмовой), бредовая работа, а также небольшая, но отвратительная прослойка гангстеров, владельцев доходных домов в трущобах, высокопоставленных корпоративных юристов и руководителей хедж-фондов — в основном просто эгоистичных ублюдков, которые даже не пытаются казаться кем-то другим²⁸. Мне кажется, что в каждой из этих ситуаций люди сами лучше всех понимают, кто к какой категории относится. Прежде чем перейти к типологии, я хотел бы разобраться с несколькими распространенными заблуждениями. Если заговорить о бредовой работе с человеком, который впервые слышит этот термин, то он, скорее всего, подумает о дерьмовой работе. Но если уточнить, о чем идет речь, ему, вероятно, придет в голову один из двух распространенных стереотипов. Он может решить, что речь идет о государственных чиновниках. А если он поклонник

²⁸ Конечно, эта трехчастная классификация не претендует на исчерпывающую точность. Например, в нее не включены занятия, которые часто называют «охранным трудом». Значительная часть этих рабочих мест (в частности, ненужные надзиратели) — бредовая работа, но другая часть — просто плохая или неприятная работа.

книги Дугласа Адамса «Автостопом по Галактике», то может подумать, что вы имеете в виду парикмахеров.

С бюрократами разобраться проще, так что давайте начнем с них. Вряд ли кто-то будет спорить с тем, что в мире множество бесполезных бюрократов. Однако мне кажется важным, что в наши дни в частном секторе их не меньше, чем в государственном. Вы можете столкнуться с несносным человечком в костюме, зачитывающим непонятные правила и положения, как в банке или салоне сотовой связи, так и в паспортном столе или в комиссии по районированию. Более того, государственная и частная бюрократия настолько переплелись, что зачастую их очень трудно разделить друг от друга. Отчасти из-за этого я начал эту главу с рассказа о работнике частной компании, которая сотрудничала с немецкой армией. Эта история не только показывает, что ошибочно думать, будто бредовая работа существует в основном в государственной бюрократии, но также демонстрирует, как «рыночные реформы» почти гарантированно создают дополнительную бюрократию, а не сокращают ее²⁹. В своей предыдущей книге, «Утопия правил», я уже отмечал, что если вы пожалуетесь на бюрократическую волокиту в банке, то его

²⁹ В книге «Утопия правил» (с. 12) я называю это «железным законом либерализма»: «...всякая рыночная реформа, всякое правительственное вмешательство с целью уменьшить бюрократизм и стимулировать рыночные силы в конечном счете приводит к увеличению общего объема регулирования, общего количества бумажной волокиты и общего числа бюрократов, которых привлекает на службу правительство».

сотрудники вам скажут, что это из-за государственных правил. Но если выяснить, откуда взялись эти правила, скорее всего, обнаружится, что большинство из них были созданы самим банком.

Тем не менее люди настолько прочно вбили себе в голову, что государство всегда без надобности раздувает штаты и создает лишние уровни административной иерархии, а в частном секторе всё эффективно и строго по делу, что, судя по всему, никакие факты уже не смогут их переубедить.

Несомненно, некоторые из этих заблуждений связаны с воспоминаниями о таких странах, как Советский Союз. В этих странах была политика всеобщей занятости, поэтому стране приходилось создавать рабочие места для всех, независимо от того, существовала в этом необходимость или нет. Так в СССР появились магазины, где покупателям приходилось проходить через трех разных продавцов, чтобы купить буханку хлеба, или дорожные бригады, где две трети рабочих пили, играли в карты или дремали. Обычно об этом вспоминают, чтобы доказать, что при капитализме такого никогда не произойдет. Ведь для частной фирмы, которая конкурирует с другими частными фирмами, не может быть ничего хуже, чем нанять людей, которые ей на самом деле не нужны. Если уж на то пошло, жалуются обычно на *чрезмерную* эффективность капитализма, когда к сотрудникам начинают приставать с постоянным увеличением норм выработки и надзором.

Я, конечно, не стану отрицать, что всё это зачастую имеет место. Давление на корпорации, от которых требуют сокращения рабочих мест и повышения эффективности, выросло вдвое после бешеной волны слияний и поглощений в 1980-х. Но это давление было направлено почти исключительно на людей в самом низу пирамиды, на тех, кто на самом деле что-то делает, обслуживает, чинит или перевозит. Скорее всего, каждый человек, которому надо носить на работе форму, находится под серьезным давлением³⁰. У сотрудников FedEx и UPS сумасшедшие графики, которые разработаны с «научной» эффективностью. На верхних уровнях тех же компаний дело обстоит иначе. Это можно объяснить главной слабостью менеджерского культа эффективности – если угодно, его ахиллесовой пятой. Дело в том, что, когда менеджеры начали проводить научные исследования, чтобы узнать, как наиболее эффективно использовать время и энергию при организации человеческого труда, они никогда не применяли эти же методы к самим себе, а если они это всё же делали, то добивались противоположного эффекта. В итоге в то самое время, пока от синих воротничков требовали увеличения нормы выработки и массово увольняли сотрудников, почти во всех крупных фирмах стало намного больше бессмысленных управленческих и административных должно-

³⁰ Собственно говоря, именно в этом смысл униформы, ведь часто ее заставляют носить людей, которые вообще не появляются на публике (например, работников прачечной в гостинице). Это способ сказать работникам: «Считай, что ты в армии, у нас здесь дисциплина».

стей. Это как если бы фирмы бесконечно проводили сокращения в цехах и использовали сэкономленные деньги, чтобы нанять еще больше ненужных работников в офисы на верхних этажах. (Как мы увидим, в некоторых компаниях буквально так и делали.) В результате точно так же, как социалистические режимы создали миллионы фиктивных рабочих мест для пролетариев, капиталистические режимы создали миллионы фиктивных рабочих мест для белых воротничков.

Как именно это произошло, мы рассмотрим позже. Пока же я еще раз подчеркну, что процессы, о которых мы будем говорить, происходят и в государственном, и в частном секторах, и это неудивительно: сегодня эти две области практически невозможно отличить друг от друга.

Почему профессия парикмахера – это неудачный пример бредовой работы

Люди часто винят во всем правительство, но, как ни странно, так же часто обвиняют во всем женщин. Если вы объясните, что речь идет не только о правительственных чиновниках, то многие сразу решат, что вы имеете в виду секретарей, администраторов на стойке у входа и прочие административные должности, которые обычно занимают женщины. Вообще, согласно разработанному нами определению, многие из этих должностей можно считать бредовыми, но убеждение, что на них обычно работают женщины, не просто сексистское, – оно говорит о явном непонимании того, как на самом деле функционирует большинство офисов. Гораздо более вероятно, что ассистентка (женщина) замдекана (мужчины) или «стратегического менеджера сети» (тоже мужчины) – единственный человек, который вообще делает какую-то реальную работу в офисе, так что ее босс может расслабиться и поиграть в World of Warcraft, чем он зачастую и занят.

Мы вернемся к этой динамике в следующей главе, когда будем исследовать роль шестерок; сейчас просто заметим, что у нас есть подтверждающие это статистические данные. В опросе YouGov, к сожалению, нет распределения по видам занятий, зато есть распределение по полу. Результаты пока-

зали, что мужчины считают свою работу бессмысленной гораздо чаще (сорок два процента), чем женщины (тридцать два процента). Опять же, видимо, они правы³¹.

Наконец мы добрались до парикмахеров. Боюсь, что Дугласу Адамсу тут за многое придется ответить. Иногда мне кажется, что каждый раз, когда я говорю, что значительная часть работы, которая выполняется в нашем обществе, не нужна, какой-то мужчина (всегда именно мужчина) вскакивает и говорит: «О, точно, прямо как парикмахеры!» Потом он объясняет, что это отсылка к научно-фантастическому комедийному роману Дугласа Адамса «Ресторан „У конца Вселенной“», в котором вожди планеты Голгафрингем решают избавиться от самых бесполезных жителей и выдумывают, что планета вот-вот будет уничтожена. Чтобы разобраться с этой проблемой, они создают флотилию из трех ковчегов, А, В и С; в первом из них – творческая часть населения, в последнем – рабочие, синие воротнички, а в среднем – все остальные, бесполезные люди. Все они должны погрузиться в искусственный сон и отправиться в новый мир, но на самом деле достраивают только корабль В и отправляют его по курсу, на котором он столкнется с солнцем. Герои книги ока-

³¹ Как ни странно, в опросе есть распределение по партийным предпочтениям (сторонники тори реже всех считают свою работу бредовой, а избиратели UKIP – чаще всех) и по регионам (доля бредовой работы выше всего в Южной Англии, исключая Лондон: сорок два процента, а ниже всего в Шотландии: двадцать семь процентов). Возраст и социальное положение практически не имеют значимого эффекта.

зываются на корабле В и рассматривают зал с миллионами космических саркофагов, в которых находятся эти бесполезные люди; изначально герои думают, что они мертвы. Один начинает зачитывать вслух надписи на табличках у каждого саркофага:

– Здесь написано: «Голгафрингемский флот, ковчег В, трюм № 7, санитарный инспектор телефонных будок второго класса» – и порядковый номер.

– Инспектор по санитарной обработке телефонов? Мертвый инспектор по санитарной обработке телефонов? – спросил Артур.

– Лучшая разновидность инспектора по санитарной обработке телефонов.

– Но что он здесь делает?

– Не думаю, что у него много дел.

Форд перешел к другому саркофагу. Минутная работа полотенцем, и он объявил:

– Парикмахер. Мертвый парикмахер. Каково?

В следующем саркофаге нашел свой последний приют клиентский менеджер рекламного агентства, рядом с ним покоился торговец подержанными автомобилями^{32{1}}.

Понятно, почему люди, которые впервые слышат о бредовой работе, вспоминают эту историю, но сам список про-

³² *Адамс Д.* Автостопом по Галактике. Ресторан «У конца Вселенной». М., 2019. С. 276^{1}.

^{1} Перевод скорректирован. – *Примеч. пер.*

фессий довольно странный. Во-первых, инспекторов по санитарной обработке телефонов на самом деле не существует³³. Во-вторых, хотя менеджеры рекламных агентств и продавцы подержанных машин существуют (и в самом деле, общество прекрасно обошлось бы и без них), всё же когда фанаты Дугласа Адамса вспоминают роман, то первым делом думают о парикмахерах.

Скажу честно: у меня нет какой-то особой нелюбви к Дугласу Адамсу. Напротив, я питаю нежные чувства ко всем проявлениям искрометной британской научной фантастики семидесятых. Но конкретно эта выдумка мне кажется пугающе высокомерной. Во-первых, это вовсе не список бесполезных профессий. Это список людей, про которых божественный персонаж из среднего класса, проживавший в то время в Ислингтоне³⁴, сказал бы, что они несколько докучливы. Разве

³³ Как легко догадаться, фанаты Дугласа Адамса начали спорить на этот счет и сошлись на том, что в 1970-е были профессии, которые включали в себя очистку телефонов и прочей техники, но отдельной профессии «инспектора по санитарной обработке телефонов» не было. Однако это не остановило Адамса, и он всё равно придумал вместе с Грэмом Чепменом из телешоу «Монти Пайтон» специальный выпуск с участием Ринго Старра под названием «Инспекторы по санитарной обработке телефонов с Наварона»; правда, он, к сожалению, так и не вышел.

³⁴ Ислингтон – район Большого Лондона; после бомбардировки во время Второй мировой войны был перестроен, стал зоной притяжения для среднего класса и подвергся джентрификации. Богему привлекали остатки георгианской архитектуры XVIII века. – *Примеч. ред.*

они заслуживают из-за этого смерти?³⁵ Лично я мечтаю об устранении *должностей*, а не людей, которые их занимают. Чтобы оправдать истребление, Адамс как будто намеренно отбирает не просто людей, которых он считает бесполезными, но тех, кому нравится их работа и кто считает ее важной частью себя.

* * *

Прежде чем продолжить, давайте подумаем о статусе парикмахеров. Почему их труд – не бредовая работа? В первую очередь именно *потому*, что большинство парикмахеров таковой ее не считают. Стрижка и укладка много что меняют, а мнение, что это всего лишь ненужное тщеславие, совершенно субъективно. Откуда мы знаем, кому судить о настоящей ценности парикмахерского дела? Первый роман Адамса, «Автостопом по Галактике», который стал настоящим культурным явлением, был опубликован в 1979 году. Тогда я был подростком, и я хорошо помню, как в Нью-Йорке у витрины парикмахерской на Астор-Плейс люди часто собирались, чтобы посмотреть, как панкам делают сложные фиолетовые ирокезы. Считает ли Дуглас Адамс, что от тех, кто делал эти ирокезы, тоже нужно избавиться? Или же только

³⁵ Справедливости ради, в дураках в итоге остались сами жители Голгафрингема, которые погибли от эпидемии, начавшейся из-за не прошедшего санитарную обработку телефона. Но эту часть никто обычно не помнит.

от парикмахеров, чей стиль ему пришелся не по вкусу? В районах, где живет рабочий класс, люди часто собираются в парикмахерских; женщины определенного возраста и происхождения часами сидят в ближайшем салоне, и он становится точкой для обмена местными новостями и сплетнями³⁶. Однако есть ощущение, что именно из-за этого кто-то считает труд парикмахеров образцом бесполезной работы. Они представляют себе сборище женщин средних лет, которые лениво сплетничают, сидя под металлическими шлемами, пока вокруг них суетятся работники, тщетно пытающиеся этих женщин приукрасить. Но они всё равно якобы слишком толстые, слишком старые и слишком явно принадлежат к рабочему классу, а поэтому всё равно никогда не будут привлекательными, что с ними ни делай. По сути, это просто снобизм с изрядной долей ни на чем не основанного сексизма.

По логике вещей, возражать против парикмахеров на этом основании – всё равно что называть управление боулинг-клубом или игру на волынке бредовой работой просто потому, что вам не нравится боулинг или волынка и несимпатичны люди, которым это нравится.

³⁶ В районах, где проживают мигранты, парикмахерские часто выполняют сходную функцию как для женщин, так и для мужчин. У меня есть несколько друзей, которые стали работать парикмахерами в крупном лондонском сквоте и заметили, что это начало происходить и с ними: люди, которые недавно переехали в город, заходили подстричься и спрашивали, что нового.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Перевод скорректирован. – Примеч. пер.